

И. Кант и «языковедение» В. фон Гумбольдта

Э. Ю. Даугатс
(Лиенайский педагогический институт)

Никакая живая идея не может оставаться в течение веков одинаковой. Если она жива, то существует и все время нарождается новое и новое ее понимание. Невозможно представить себе ценного философа, понимание которого оставалось бы всегда одинаковым. В том-то и заключается его ценность, что он является источником новых и новых его пониманий, оживляя и оплодотворяя мысль исследователей различных эпох.

А. Ф. Лосев

Современный этап развития науки о языке характеризуется глубокими, коренными изменениями статуса этой науки во всей системе человеческих знаний, равно как и осознанием лингвистикой своих задач и целей.

Прошло почти шесть десятилетий после Первого съезда лингвистов в Гааге в 1928 г, на котором Антуан Мейе выдвинул лозунг автономии лингвистики. Вскоре после этого съезда Эдвард Сэпир выразил следующими словами назревшую необходимость сочетания внутренней консолидации науки о языке со значительным расширением ее горизонтов: «Лингвисты, хотя они этого или не хотят, должны больше интересоваться разнообразными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, вторгающимися в сферу лингвистики, поскольку современный лингвист не может замкнуться в своей традиционной области. Если он не лишен воображения, он должен в той или иной степени вникать в вопросы, связывающие лингвистику с антропологией, историей культуры, с социологией, с психологией, с философией, а также с рядом более отдаленных областей, таких, как физика и физиология»¹.

Однако этот лозунг автономии лингвистики таит в себе двойную опасность, о которой говорит Роман Якобсон: «...при отсутствии тесной связи между двумя взаимодополняющими понятиями — автономией и интеграцией — лингвистическое исследование рискует оказаться на ложном пути: либо идея автономии вырождается в сепаратизм и изоляционизм, пагубный, как всякая узость интересов, либо мы становимся на противоположный путь и компрометируем разумный принцип интеграции тем, что заменяем необходимую автономию агрессивной гетерономией (или «колониализмом»). Другими словами, следует уделять равное внимание как особенностям структуры и развития любой области знания, так и общим основам и путям развития разных областей знания и их взаимозависимости»².

На X Международном съезде лингвистов в 1967 г. в Бухаресте выявилось, что проблемы взаимосвязей наук о человеке

сходятся в одном фокусе — в лингвистике. На этот факт особенно хотелось бы обратить внимание потому, что к тому времени прошло уже около 140 лет со дня появления работы В. фон Гумбольдта «О различиях строения человеческого языка» (1827—1829), в первом абзаце которой читаем: «Главная и многоохватывающая задача общего языковедения — это найти различие строения человеческого языка, отобразить это различие в его существенном виде, упорядочить более простым образом кажущееся бесконечным разнообразие, исследовать источники этого различия и в основном его влияние на силу мышления, восприятие и характер говорящих и проследить за ходом духовного развития человечества через все перипетии истории, основываясь только на тесно переплетенном с ним языке, который сопровождает его от одной ступени к другой. Я употребляю здесь форму единственного числа Sprachkunde, а не обычно употребляемую форму множественного числа Sprachenkunde. Как известно, в немецком языке в этих соединениях встречается то единственное, то множественное число..., но я осознанно употребляю здесь первую из этих форм, для того, чтобы посредством этого выражения напомнить, что по существу язык один, и только этот один человеческий язык, который по-разному проявляется в бесчисленных языках Земли» (VI, III—112) *.

Как известно, читатели трудов В. фон Гумбольдта часто упрекали и упрекают его в неясности, запутанности и громоздкости стиля изложения мысли, вызывающего непонимание и разночтение его текстов. В этом и кроется отчасти причина так называемого «отхода от Гумбольдта» в XIX веке, продолжавшегося и в XX веке, порою и до наших дней. Этот «отход от Гумбольдта» в сильной мере обусловлен непониманием тех целей и задач, которые ставил себе В. фон Гумбольдт, когда он создавал свое языковедение. Победное шествие сравнительно-исторического метода в языкознании на долгие годы, почти что на целый век, отодвинуло внимание ученых от более глубокого исследования наследия В. фон Гумбольдта. В очень интересной работе Ф. Гейнемана под названием «Философская антропология и теория познания человека В. фон Гумбольдта», изданной в Халле в 1929 г., читаем: «Трудности понимания стиля В. Гумбольдта обусловлены в первую очередь тем, что читатели его трудов, естественно, желают почерпнуть сведения об интересующем их предмете: историк — об истории, искусствовед — об искусстве, лингвист — о языке и т. д. Но все дело заключается в том, что наука, которой занимается В. Гумбольдт,

* Здесь и далее в статье ссылки на издание: Humboldt W. von. Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1—17. Berlin, 1903—1936.—даются в тексте в круглых скобках (латинская цифра обозначает том, арабская — страницу).

не история, не искусствоведение, не языкознание и т. п., а нечто совершенно иное — это наука о человеке, о развитии его сознания, его духовного мира, а отдельные, традиционные области наук образуют лишь каркас для построения всеобъемлющей науки о человеке, человековедении»³.

В работе В. фон Гумбольдта «Восемнадцатый век» написанной в 1797 г., вскоре после наброска «План сравнительной антропологии», Ф. Гейнеман видит «...впервые выдвинутую идею создания сравнительной науки о духе, которой В. Гумбольдт остался верен всю свою жизнь и которую он пытался реализовать в своем сравнительном языковедении»⁴.

Чтобы лучше понять значение 'языковедения' В. фон Гумбольдта, следует уяснить себе и противоположную позицию большинства лингвистов XIX и XX веков. В письме к филологу и археологу Фридриху Готтлибу Велкеру (1784—1868), который был домашним учителем детей в семье Гумбольдта в Риме до 1808 г., находим следующие слова: «При работе над языками мне постоянно приходится размышлять о моем убеждении, что лишь немногие люди имеют, хотя бы в самом общем виде, чувство языка. Самые расхожие идеи, что язык — это инструмент, средство общения, слова — безразличные знаки, грамматика — устройство, которое, в конце концов, может быть всегда употреблено, какие бы преимущества или недостатки у нее и ни были, что различие языков — это преграда общению, устранение которой было бы весьма желательно, хотя бы, если это было и тем, чтобы все люди говорили на латыни или по-французски, что изучение языков зависит лишь от того, что на них написано и т. д., и т. п., являются господствующими не только среди людей, не занимающихся наукой, но и среди филологов». Такой взгляд, по мнению автора письма, свидетельствует о вульгарном толковании рационализма и прагматизма Просвещения и говорит «о полной тупости (Stumpfheit) противу настоящего чувства языка».

Языковедение В. фон Гумбольдта, по сравнению со всеми предыдущими спекуляциями о возникновении и сущности языка, отличается не только богатством использованного, ранее неизвестного эмпирического материала, но и, главным образом, тем, что во всех основополагающих моментах, в самой постановке вопросов вырисовывается новая духовная позиция. Именно эта позиция во многом обусловлена, инспирирована и одухотворена критической философией И. Канта. Первый биограф В. фон Гумбольдта, Рудольф Гайм, подчеркивал, что в гумбольдтовском языковедении «прослеживается не столько зависимости от буквы Канта, сколько согласия (Zusammenstimung) с духом Канта». Несколько далее Р. Гайм отмечает: «Это правда, что целое его философии языка и то, что увереннее всего она движется именно там, по путям того образа мышления, где, согласно природе предмета, должно было бы прекратиться

соответствие (*Ubereinstimmung*) с формулами и теоремами кантовской системы. Можно сказать, что Гумбольдт был бы кантианцем, если бы и даже он никогда не читал ни одной строки Канта, даже и тогда, если бы Кант никогда ничего не писал и даже, если бы он не жил никогда»⁵.

В этих рассуждениях Р. Гайма заложена целая программа исследования внутренних связей, духовной интердепенденции и поразительной «схожести» в способе решения некоторых фундаментальных вопросов, как, например, критическое понятие объекта (речь о котором пойдет ниже) у Канта и у Гумбольдта. Эта программа, однако, до сих пор не реализована ни у самого Р. Гайма, ни у его последователей. Е. Шпрангер, который в своем исследовании подробно останавливается на влиянии критического идеализма И. Канта на развитие идеи гуманизма (*Humanitätsidee*) в трудах В. фон Гумбольдта, разбирая гумбольдтовскую философию языка, предпочитает сослаться в этом отношении на Р. Гайма⁶. Еще более странным кажется то, что Г. Штейнталь, издавший труды В. фон Гумбольдта по философии языка, в своих комментариях к ним посвятил целую главу отношениям Гумбольдта к Канту⁷, но ни словом не упомянул лингвистические аспекты, возникающие из этого отношения. Он коснулся только самых общих теоретических и этических основных вопросов учения И. Канта. Как замечает Э. Кассирер, «отсутствие собственной философии языка в критической системе Канта, казалось, исключало прямое сопоставление этой системы с основными положениями гумбольдтовского языковедения. При этом легко можно было не заметить те, как бы подземные траектории (*die gleichsam unterirdischen Bahne*), которые тем не менее связывают одно с другим»⁸.

Остановимся вкратце на основных моментах концепции языка В. фон Гумбольдта. Основу концепции образует мысль о том, что язык является естественным развитием предпосылки, непосредственно заложенной в человеке как представителе биологического вида «гомо сапиенс». Гумбольдт отрицает рационалистически-просветительское или теологически-трансцендентное объяснение возникновения языка: «Человек является человеком только благодаря языку; чтобы изобрести язык, он уже должен был быть человеком» (IV, 16). Язык может быть понят лишь как тотальность говорения, следовательно, он является не производением (эргон), а деятельностью (энергейя), это не мертвое порожденное (*Erzeugtes*), а само порождение, созидание (*Erzeugung*) (VII, 46).

Основным определением языка является следующее: «...язык — это вечно повторяющаяся работа духа придать артикулированному звуку способность выражения мысли» (VI, 153). Но, исходя из духа, язык одновременно воздействует и на него, ибо без языка мышление не может приобрести ясности, а представление не может стать понятием.

Как «непосредственная эманация органического существа» (IV, 8), язык сам является организмом. Строение какого-либо языка — это органическое строение и поэтому не может быть понято чисто логически, а лишь только целостно (*ganzheitlich*), и развертывание (*die Entfaltung*), и развитие языка происходит так же, как и у органического существа. «Оно шаг за шагом исходит из человека, но так, что его организм не лежит как мертвая масса во тьме души, а как закон, обуславливающий функцию силы мышления, и уже первое слово вводит (*antönt*) и предвосхищает весь язык в целом» (IV, 16). Если это «органическое рассмотрение» языка указывает на поворот, обусловленный романтизмом в мышлении нового века, то не удивительно и то, что в центре гумбольдтовской концепции языка стоит романтический дух народа. То, что нации являются «человеческими индивидуальностями», а они, в свою очередь, организмами с собственным духом и характером, в этом открытии есть и известная доля самого В. фон Гумбольдта. Не следует забывать о том, что он пришел к науке о языке, пытаясь создать науку о сравнении национальных характеров. Так как языки всегда имеют «национальную форму», то и они являются «как бы внешним проявлением духа народов. Их язык — это их дух и их дух — их язык; трудно представить себе что-либо более тождественное» (VII, 42).

Из этой констатации следует: строение языков мира очень различно, ибо каждый язык несет на себе отпечаток духовной особенности самих народов. «Сущность языка состоит в том, чтобы перелить материю мира явлений в форму мыслей» (IV, 18), но процесс этот обусловлен национальными особенностями характера соответствующих социумов, и следовательно, различие языков мира «не является различием звуков и знаков, а различием самих видений мира» (IV, 28). В этой связи В. фон Гумбольдт поясняет: «Сумма познаваемого — как бы поле, обрабатываемое духом человека, которое лежит в центре между всеми языками и от них независимо; человек не может приблизиться к этой чисто объективной области иначе, как по своему индивидуальному образу познания и восприятия, то есть по субъективному пути. Именно там, где исследовательская деятельность соприкасается с высшими и глубочайшими точками, приходит конец механическому и логическому употреблению разума и наступает процесс (*ein Verfahren*) внутреннего восприятия и созидания, из чего становится ясным лишь то, что объективная действительность происходит (*hervorgeht*) из всей силы субъективной индивидуальности, а это возможно только языком и через язык (*mit und durch Sprache*). Но язык, как творение (*Werk*) нации и предыдущих времен (*Vorzeit*) для человека является чем-то чужим; с одной стороны, он этим связан, но с другой, обогащен, усилен и побужден (*angeregt*) вложенным в него предыдущими поколениями. В то время как он

(язык.— Э. Д.) противостоит познаваемому как нечто субъективное, по отношению к человеку он представляется объективным. Ибо каждый является созвучным всеобщей природе человека, и хотя общее всех языков ни в какое время не явится полным отражением субъективности человечества в целом, то языки все-таки постоянно приближаются к этой цели. Субъективность всего человечества становится чем-то объективным в себе. Изначальное созвучие (*Übereinstimmung*) между Миром и Человеком, на котором основывается возможность любого познания действительности, снова обретается, постепенно и прогрессирующе, также и на пути явления (*auf dem Wege der Erscheinung*). Ибо объективное, по существу, всегда остается постигаемым, и, если человек приближается к нему на субъективным пути какого-либо языка, то вторым усилием его опять-таки является попытка отделить субъективное, хотя бы путем изменения одной языковой субъективности (*Sprach Subjektivität*) другой, и по возможности чисто выделить из этого объект» (IV, 28—29).

Если в более ранних трудах В. фон Гумбольдта определение языка свидетельствует о пантеистическом воззрении на мир и на дух, то есть в нем еще сильны мотивы, исходящие от И. Г. Гамана и И. Г. Гердера, то в более поздний период его деятельности критическое понятие объекта И. Канта все более решительным образом начинает определять ход его мыслей. Уже в июне 1804 г. В. фон Гумбольдт писал из Рима Ф. А. Вольфу следующие слова: «В основном все, чем я занимаюсь,— это изучение языка. Я полагаю, что открыл искусство употреблять язык как средство (*Vehikel*), чтобы проследить (*durchfahren*) самое высокое и самое глубокое и разнообразие всего мира».

Как отмечает Э. Кассирер, «удивительно то, что там, где Кант говорит о решающей функции суждения в процессе объективации, он употребляет тот же инструмент познания (*Vehikel der Erkenntnis*), что и Гумбольдт,— язык, правда, только один раз: для иллюстрации он использует функцию предложения и связки (*Corula*) в предложении»⁹.

«Исследуя более тщательно отношение между знаниями, данными в каждом суждении, и отличая это отношение как принадлежащее рассудку от отношения, сообразного с законами репродуктивной способности воображения и имеющего только субъективную значимость, я нахожу, что суждение есть не что иное, как способ приводить данные знания к *объективному* единству апперцепции. Связка *есть* имеет в суждении своей целью именно отличить объективное единство данных представлений от субъективного. Им обозначается отношение представлений к первоначальной апперцепции и ее *необходимое единство*, хотя бы само суждение и было эмпирическим, стало быть,

случайным, как, например, суждение «тела имеют тяжесть»*. Этим я не хочу сказать, будто эти представления *необходимо* принадлежат друг к другу в эмпирическом созерцании, а хочу сказать, что они принадлежат друг к другу *благодаря необходимому единству* апперцепции в синтезе созерцаний, т. е. согласно принципам объективного определения всех представлений, поскольку из них может возникнуть знание, а все эти принципы вытекают из основоположения о трансцендентальном единстве апперцепции. Только благодаря этому из указанного отношения возникает *суждение*, т. е. отношение, имеющее *объективную значимость* и достаточно отличающееся от отношения этих же представлений, которое имело бы только субъективную значимость, например, согласно законам ассоциации» (3, 198).

По мнению Э. Кассирера, «одно определенное языковое явление, одна определенная языковая форма здесь мыслится Кантом, как непосредственный носитель одной категориальной формы, как выражение логически-вещественного соотношения значения (Bedeutungsverhältnisses)»¹⁰.

«Под *синтезом* в самом широком смысле я разумею присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания»,— писал Кант (3, 173). Нам представляется, что В. фон Гумбольдт точно таким же образом трактует понятие синтеза, как это делает И. Кант, с той лишь разницей, что И. Кант соотносит синтез с деятельностью разума, а В. фон Гумбольдт — с языком, вернее, с языком как средством (Vehikel) познания.

И. Кант говорит: «Трансцендентальная логика учит, как сводить к понятиям не представления, а *чистый синтез* представлений. Для априорного познания всех предметов нам должно быть дано, во-первых, *многообразное* в чистом созерцании; во-вторых, *синтез* этого многообразного посредством способности воображения, что, однако, не дает еще знания. Понятия, сообщающие *единство* этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье условие для познания являющегося предмета и основываются на рассудке.

Та же самая функция, которая сообщает единство различным представлениям *в одном суждении*, сообщает единство также и чистому синтезу различных представлений *в одном созерцании*;...» (3, 174).

Наша точка зрения заключается в том, что В. фон Гумбольдт,

* Как нам представляется, русский перевод «тела имеют тяжесть» не адекватен немецкому предложению, употребляемому Кантом «der Körper ist schwer (Kritik der reinen Vernunft. 2. Aufl. S. 142). Глаголы *иметь* и *быть* кардинально отличаются своими «точками зрения» на существующие отношения между предметами объективного мира. Возможно, что именно поэтому русский читатель не придает должного значения, не «видит» это обстоятельство.

повторяя сказанное И. Кантом о понятии синтеза, несколько расширяет его и вводит в систему Канта еще одну величину — творческий акт духа, то есть язык: «Сочетание звукоформы с внутренними законами языка образует совершенство языков...» Начиная с первого элемента, порождение (Erzeugung) языка — это синтетическое действие (Verfahren), и именно такое, в самом точном понимании этого слова, где синтез порождает что-то, чего не содержится ни в одной из объединяемых частей. Поэтому цель достигается лишь тогда, когда и все строение словоформы и внутреннего образования также крепко и одновременно сплавляются (zusammenfliessen) в одно» (VII, 95). В. фон Гумбольдт подчеркивает, что «действительный синтез происходит из воодушевления (entspringt aus der Begeisterung), которое знакомо лишь высокой и энергетической силе» (VII, 97). Иными словами, В. фон Гумбольдт здесь рассматривает проблему сочетания (Zusammenfügung) внутренней формы мысли со звуком и считает ее синтезом, который из обоих сочетаемых элементов создает нечто третье, в чем исчезает отдельное существо обоих. Эту способность он приписывает действительно творческому акту духа. Он говорит в таком случае об акте самостоятельного конституирования (selbstthätigen Setzens) посредством обобщения (Zusammenfassung) или синтеза. В. фон Гумбольдт описывает этот акт таким образом: «Действительное присутствие синтеза должно как бы материально проявиться в языке, следует понять, что он, как бы молния, просвечивает язык и объединяемые материалы, как пламя из неизвестных регионов, сплавил их в одно целое» (VII, 213). Этими словами, как нам представляется, В. фон Гумбольдт в каком-то смысле перекликается с мыслью И. Канта: «..., а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность a priori связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании» (3, 193).

В. фон Гумбольдт использует понятие синтеза, чтобы вскрыть главное и существенное в феномене 'язык'. Для него синтез не является чем-то происходящим с готовыми и данными «вещами», а, как и для И. Канта, это действие, вернее, основополагающий и фундаментальный принцип самостоятельного предметного конституирования (selbstthätigen gegenständlichen Setzens), порождения чего-то как 'вещи', как предмета. Синтез — это акт действительно творческого духа, его действие. Понятие и акустический образ создают слово и речь, и таким образом между внешним миром (объективной действительностью) и духом создается нечто третье, отличное и от объективного мира, и от духа. «Дух создает, но тем же самым актом противопоставляет себе созданное и позволяет ему как объекту воздействовать на себя. Таким образом, из отраженного в человеке

мира, между человеком и миром возникает его с ним связывающий и оплодотворяющий (befruchtende) его язык» (VII, 213).

Такое понимание синтеза позволяет В. фон Гумбольдту сделать некоторые основополагающие заключения, например, о том, что изначальное созвучие между миром и человеком обретается снова и объективное постигается лишь на пути родного языка социума (ср. с. 88—89 данного сборника) шаг за шагом таким образом, что субъективно созданное социумом, то есть язык, становится в себе чем-то объективным и в свою очередь, теперь уже как объект отражается в сознании говорящего на языке социума. Отныне эта мысль становится звеном в цепи, которая связывает Гумбольдта с критическим идеализмом И. Канта: объективное не является данным, а тем, что следует постичь, то есть постигаемое, не определенное в себе, а определяемое — то, что следует определить. Так как это основополагающее определение, с точки зрения языка, совершается в предложении, а не в слове (ср. VII, 143—157!), то поэтому языковедение В. фон Гумбольдта утверждает примат предложения перед словом, точно так же, как трансцендентальная логика И. Канта утверждала примат суждения противу понятия.

В. Штрейтберг полагает, что И. Кант нанес «сокрушительный удар» метафизическому понятию субстанции в эмпирической психологии и этим обосновал «теорию актуальности», названную так В. Вундтом. Время, являющееся единственной формой нашего внутреннего созерцания, не имеет ничего постоянного, дает лишь смену определений, но не дает познать определяемый предмет, ибо в том, что мы называем душой, все находится в непрерывном течении, и нет ничего постоянного, — развивает свою мысль В. Штрейтберг. Это понятие психической актуальности В. фон Гумбольдт перенял от И. Канта. «Определить языки как работу духа уже потому является совершенно правильным и адекватным выражением, что присутствие (существование) духа вообще можно предположить только в действии и как таковое» (VII, 46). По мнению В. Штрейтберга, использование В. фон Гумбольдтом этого понятия психической актуальности применительно к языку является, «возможно, самой важной его заслугой, имеющей великое значение для современной науки о языке»¹¹.

Слова И. Канта: «Я могу сказать без противоречия: все поступки разумных существ, поскольку они явления (находятся в каком-то опыте), подчинены естественной необходимости; но по отношению к разумному субъекту и его способности действовать согласно одному только разуму эти же поступки свободны» (4(1), 168), — можно вполне отнести и к концепции языка В. фон Гумбольдта. Полностью примыкая к кантовскому пониманию свободы, он утверждал, что «все соединение (Verknüpfung) является внутренним, духовным действием и произ-

водство речи для выражения мыслей — таким же необъяснимым актом свободы, каким является само мышление» (VI, 361). Такое понимание свободы приводит В. фон Гумбольдта к очень важному для его концепции заключению: хотя язык и определяется физическим строением человека, он все же принадлежит к духовному в нем, определяет ясность его мышления и функционирует в свободе мыслей и ощущений. Эта свобода поднимает язык над организмом, и речь, по существу, никогда не может быть органическим отправлением (*Verrichtung*) (V, 451). Как отмечает Э. Кассирер, «в этой закономерности синтеза, как всеохватывающего принципа, одним ударом создаются оба момента противоречия, мир субъективного и мир объективного. «Дух создает, но тем же самым актом противопоставляет себе созданное и дает ему как объекту воздействовать на себя» (VII, 213). Можно сказать, что для В. фон Гумбольдта язык является творением свободы, которая сама дает себе закон и тем самым создает сферу необходимого, как свое отражение и свой коррелят. Все эти определения, в конце концов, сходятся в одном фокусе, в эпицентре всей гумбольдтовской системы взгляда на язык — в «внутренней форме языка»¹².

Хотелось бы обратить внимание на одно из высказываний Канта относительно понятия организма, органа: «Итак органическое тело не есть только механизм, обладающий лишь *движущей* силой, оно обладает и *формирующей* силой. И притом такой, какую оно сообщает материи, не имеющей его! (организует ее), следовательно, обладает распространяющейся (*fortpflanzende*) формирующей силой, которую нельзя объяснить лишь одной способностью движения (механизмом)» (5, 399—400).

Хотелось бы обратить внимание на то, что в вышеприведенном определении И. Канта встречаются слова о «формирующей силе», о силе, организующей материю в определенном направлении, которая, «следовательно, обладает распространяющейся формирующей силой», не имеющей ничего общего с «способностью движения (механизмом)». Как нам представляется, речь здесь идет об основополагающем моменте концепции языка В. фон Гумбольдта, об идее и понятии «внутренней формы языка». Само понятие внутренней формы имеет долгую историю в европейском мышлении¹³. Об этом понимании внутренней формы В. фон Гумбольдтом говорят Л. Йост¹⁴, В. Порциг¹⁵ и отчасти И. Л. Вайсгербер¹⁶. Думается, что здесь все-таки несколько иное понимание внутренней формы имело место, а именно, хотя, несомненно, В. фон Гумбольдт был знаком с понятием и идеей внутренней формы в европейской традиции, на его понимание внутренней формы большее влияние оказала критическая философия И. Канта. Косвенным доказательством нашей точки зрения служит то обстоятельство, что почти что во всех 'европейских трактовках' внутренней формы, в конце концов, дело сво-

дится в понятие «внутренней формы слова», а не языка. Наглядный пример тому — очень интересные работы Г. Г. Шпета и Л. Йоста¹⁷, авторы которых после пространных рассуждений по поводу понятия внутренней формы, в конце концов, сводят гумбольдовское понятие к «этимону». В современной отечественной литературе последнего времени проблемы внутренней формы языка касались известные лингвисты и философы нашего времени В. А. Звегинцев¹⁸, Г. В. Рамишвили¹⁹, А. В. Гулыга²⁰, в работах которых совершенно справедливо, по нашему мнению, выражена мысль о несомненно «кантовских» корнях внутренней формы языка в концепции В. фон Гумбольдта.

Мы полагаем, что на определенной ступени своих размышлений о природе языка В. фон Гумбольдт обращается к диалектике эстетической способности суждения И. Канта (§§ 55—60) и затем, уже на переходе к определению телеологии суждения, использует концепцию И. Канта (§§ 61—68) и развивает далее мысль И. Канта: «Дабы строго держаться в своих границах, физика совершенно отвлекается от вопроса, *преднамерены* ли цели природы или *не преднамерены*, ведь это было бы вмешательством в чужое дело (а именно в дело метафизики). Достаточно, что они [предметы], *объяснимые* единственно по законам природы, которые мы можем себе мыслить, только имея идею целей как принцип, и даже внутренне *познаваемые* только таким путем по их внутренней форме» (5, 409). К сожалению, в рамках данной статьи мы не имеем возможности остановиться более подробно на этом чрезвычайно интересном вопросе.

В заключение нам хотелось бы только указать на тот огромный круг вопросов, связанных с переосознанием целей и задач науки о языке, как основным стержнем науки будущего — науки о человеке, величественное здание которой только в наше время начинает приобретать более ясные контуры и многое еще и спорно и неизвестно, но ясно одно — фундамент этого здания заложен Иммануилом Кантом. Первые кирпичи этого величественного здания уложены Вильгельмом фон Гумбольдтом в его сравнительном языковедении.

Знаменательно в этом отношении письмо В. фон Гумбольдта, написанное в 1791 г. его невесте Каролине фон Дахерёден: «Представляется весьма простым принять внутреннее бытие человека за исходную точку при исследовании чего-либо, но если строго придерживаться этой точки зрения, то становится почти непонятным, каким образом данные любой науки приобретают совершенно иной вид. Происходит это, в основном, из-за того, что в одном аспекте исследований мы еще очень отстаем, это — в исследовании человека в себе, каков он есть и каким он должен быть» (I, 393).

¹ Sapir E. Selected Writings. Berkeley-Los Angeles, 1963. "Language". "Communication". P. 161.

- ² Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 370.
- ³ Heinemann F. W. von Humboldts philosophische Anthropologie und Theorie der Menschenkenntnis. Halle: V. u., 1929. S. 190.
- ⁴ Heinemann F. Opus cit. S. 191.
- ⁵ Haym R. W. von Humboldt. Lebensbild und Charakteristik. Berlin, 1856. S. 450.
- ⁶ Spranger E. W. von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin: Verlag von Reuter & Reichard, 1909. 506 S.
- ⁷ Steinthal H. Die sprachphilosophischen Werke Wilhelms von Humboldt. Herausgegeben und erklärt von H. Steinthal. Berlin, 1884. S. 230—242.
- ⁸ Cassirer E. Die kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie//Festschrift für P. Hensel (Erlangen)/Hrsg. Julius Binde, Göttingen, Druck und Verlag OHAG—Greiz i. V. 1923. S. 117, 109—110.
- ⁹ Cassirer E. Opus cit. S. 118.
- ¹⁰ Cassirer E. Ibid.
- ¹¹ Streitberg W. Kant und die Sprachwissenschaft//Indogermanische Forschungen, 26. Band, Festschrift für K. Brugmann. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. S. 382—422.
- ¹² Cassirer E. Opus cit. S. 122.
- ¹³ Funke O. Zur Frühgeschichte des Terminus (Innere) Sprachform//Festschrift für E. Otto Berlin, 1957. S. 289—294.
- ¹⁴ Jost L. Sprache als Werk und wirkende Kraft. (Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik der energetischen Sprachauffassung seit W. von Humboldt.) Bern: Verlag Paul Haupt, 1960. S. 70—74.
- ¹⁵ Porzig W. Der Begriff der inneren Sprachform//Zeitschrift Indogermanische Forschungen 41. 1923. S. 150—169.
- ¹⁶ Weisgerber L. Das Problem der inneren Sprachform und seine Bedeutung für die deutsche Sprache//Germanisch-Romanische Monatsschrift XIV. 1926. S. 241—256.
- ¹⁷ См.: Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: Академия худож. наук. 1927. С. 52—67; См.: Jost L. Opus cit.
- ¹⁸ См.: Звегинцев В. А. О научном наследии В. фон Гумбольдта//Гумбольдт В. фон Избр. тр. по языкознанию/Под ред. проф. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 356—362.
- ¹⁹ См.: Рамишвили Г. В. В. фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания//Там же, С. 5—32, 363—368.
- ²⁰ См.: Гулыга А. В. 1) В. фон Гумбольдт и немецкая философская классика//Там же. С. 350—355; 2) Философская антропология В. фон Гумбольдта//Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры/Под ред. проф. А. В. Гулыги и проф. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 7—23.

Кант, Гуссерль и проблема психологизма

Г. Б. Сорица

(Гомельский ветеринарный институт)

Ни одну философскую систему нельзя понять в отрыве от культурно-исторического контекста эпохи, от достижений и споров предшествующей философской мысли. Философия И. Канта в этом плане не является исключением. В кантоведческой литературе, как это верно отмечает В. Н. Брюшинкин, серьезному исследованию при анализе истоков трансцендентальной философии обычно подвергаются ее философские и естественно-научные предпосылки. Между тем «содержание ряда идей